

История о докторе Форе в русском плену

В 1821 г. в Париже вышла в свет книга Раймонда Фора «Воспоминания о Севере, или Война, Россия и русские, или Рабство»¹. Ее автор был в недавнем прошлом французским офицером, попавшим в плен и длительное время прожившим в России. Любое мемуарное свидетельство рядового участника русского похода уже само по себе могло вызывать интерес, но Фор вовсе не ставил своей целью просто рассказать читателю о перипетиях собственной военной судьбы. Основную часть его сочинения занимали наблюдения над русской жизнью и размышления о социальном и политическом устройстве страны, о быте и нравах разных слоев ее населения, о национальном характере русских, их интеллектуальных и моральных типических чертах и т. д. Само положение автора — человека, имевшего возможность увидеть русскую жизнь изнутри, с тех ее сторон, что не всегда и не вполне открываются взгляду заезжего путешественника, — сообщало его тону и суждениям должную меру авторитетности, и журнал «*Revue Encyclopédique*», удостоив книгу Фора похвальным отзывом, рекомендовал ее всем французам, желающим пополнить свои знания о России:

Эта книга заслуживает того, чтобы быть отмеченной среди всех сочинений подобного рода, произведенных на свет нашей эпохой. Автор ее, один из самых известных врачей города Бордо, в продолжение многих лет оставался в России и вынес оттуда набор полезных сведений и наблюдений. — Его «Воспоминания о Севере» предоставили ныне драгоценную возможность объединить в рамках одного сочинения множество любопытных замечаний о стране, которая известна мало и которую всем хочется узнать. Г-н Фор выступает проницательным и здравомыслящим наблюдателем. Он рисует с жаром ту картину нищеты и деспотизма, какую являет русская жизнь. Стиль его часто оригинален, хотя порой, быть может, сбивается в декламацию. Думаем, что все те, кто желал бы составить представление о политическом и моральном состоянии русского народа, не могут сделать ничего лучше, как обратиться к этой книге.²

¹ *Faure R. Souvenirs du Nord, ou la Guerre, la Russie et les Russes, ou l'Esclavage.* Paris, 1821 (далее: Faure). Объявление о выходе: *Bibliographie de la France*. 1821. № 34, 24 août. P. 454 (№ 3359).

² *Revue Encyclopédique*. 1822. Т. 16, livr. 47 (novembre). P. 359–360 (подпись: P. A. D.).

Впрочем, говоря по правде, Фор не сообщил французскому читателю ничего, что бы тот не мог уже ранее встретить в многочисленных посвященных России сочинениях, издававшихся во Франции на протяжении XVIII — первых десятилетий XIX в. Не нова, разумеется, была и обозначенная в самом заглавии книги тема существующего в России рабства, которое, как стремился показать Фор, не только лежит в основе социального устройства страны, но накладывает свой неизгладимый отпечаток на нравственный облик нации, на все сферы ее духовного и материального существования и во многом определяет политическое поведение России на европейской арене. Сочинение получилось на злобу дня. К 1821 г., после нескольких лет послевоенного затишья, на передний план снова вышла тема «русской угрозы», всегда сопровождавшая в европейской политике обострение восточного вопроса. На смену периоду европейских войн пришел период конгрессов и политических коалиций, возможности которых обсуждались в министерских кабинетах и оживленно дискутировались в обществе и в печати³. Фор присоединил свой голос к общему хору⁴. Для русских книга была мало лестной. Автор не сказал доброго слова ни о стране, ни о людях (исключая императора Александра) и писал, кажется, только с целью предостеречь некоторых легкомысленных соотечественников от возможных симпатий к России, о чем он открыто и заявил в заключительных строках:

³ Некоторые подробности см.: *Corbet Ch. A l'ère des nationalismes: L'opinion française face à l'inconnue russe (1799—1894)*. Paris, 1967. P. 110—120.

⁴ О малой оригинальности книги Фора свидетельствуют, между прочим, и сходные по темам и направлению сочинения, появившиеся почти одновременно с «Воспоминаниями о Севере». За несколько месяцев до книги Фора из печати вышел «Взгляд на Петербург» (*Coup-d'œil sur Pétersbourg*. Par M. J. C. Paris, 1821; объявление о выходе: *Bibliographie de la France*. 1821. № 14, 6 avril. P. 186 (№ 1312); в следующем году переиздано под заглавием: «О современном состоянии России, или Замечания о ее нравах, политическом влиянии и ее литературе...» (*De l'État actuel de la Russie, ou Observations sur ses mœurs, son influence politique et sa littérature...* Paris, 1822)). Его автор, Жан-Мари Шопен (Chopin; ок. 1795 —?), секретарь и библиотекарь князя А. Б. Куракина, родившийся и долго живший в России, представив широкую картину русской жизни, также выражал обеспокоенность «русской угрозой». В следующем году появилось сочинение Поля Дюкре де Пасенана (*Ducret de Passenans*) «Россия и рабство в их отношении к европейской цивилизации, или О влиянии крепостной зависимости на домашнюю жизнь русских, на их гражданское, нравственное и политическое состояние и на судьбы Европы» (*La Russie et l'esclavage, dans leurs rapports avec la civilisation européenne; ou de l'influence de la servitude sur la vie domestique des Russes, sur leur existence civile, morale et politique, et sur les destinées de l'Europe*. Paris, 1822). Близость между книгами Пасенана и Фора отмечена Ш. Корбе (см.: *Corbet Ch. A l'ère des nationalismes*. P. 116—117).

Европе нечего ожидать от этого народа, но можно всего опасаться. Дай ему Бог употребить свои силы на великое дело своего внутреннего устройства! Мир переведет дух, если эта полезная деятельность сможет привязать русских к родной земле настолько, что они не будут стремиться за ее пределы, хотя, как представляется, такое стремление всегда будет диктоваться им суровостью природных условий. Оставим нациям, равно беззаботным к своей славе и мало дорожающим своей независимостью, пользоваться этим опасным покровительством. Они узнают (может быть, слишком поздно!), что народы, подобно людям, в младенческом возрасте не знают сострадания и предоставят им тогда излишнюю власть или допустить до нее означает приготовить неслыханные беды себе самим и многим другим. Они признают однажды, что в ослеплении положились на великодушные державы еще варварской и приучили себя видеть в ней арбитра в делах Европы. Однако ей достаточно лишь сменить государя, чтобы превратиться в ужас Европы.⁵

Неизвестно, имело ли сочинение Фора успех во Франции. Как это ни странно, наиболее заинтересованных читателей оно могло найти в России, и определялось это вовсе не достоинствами философских и политических спекуляций автора, а некоторыми обстоятельствами его жизни в русском плену.

* * *

В мае 1812 г. двадцатипятилетний доктор Раймонд Фор⁶, военный хирург Первого корпуса кавалерийского резерва Великой армии⁷, прибыл в Мариенверден, где расположился штаб командующего корпусом генерала Нансути. Вскоре, 31 мая, корпус двинулся в сторону русской границы — через Преysiш-Эйлау, Фридланд, Ландсберг, Домнау⁸.

⁵ Faure. P. 301–302.

⁶ Родился 28 сентября 1786 г. в Марманде (департамент Ло и Гаронна); изучал медицину в Париже, где 6 декабря 1810 г. защитил диссертацию на тему об острых заболеваниях кишечника и действии некоторых ядов (*Réflexions sur la mort causée par quelques affections aiguës du bas-ventre et par quelques poissons*. Paris, 1810) (*Dictionnaire de Biographie française*. Paris, 1975. T. 13. Col. 770).

⁷ Фор был призван на военную службу, по-видимому, весной 1812 г.

⁸ «Городок Эйлау отстроился со времени последней войны. На поле этой кровавой битвы людские и лошадиные кости еще белелись на поверхности земли. Но ничто не напоминало о достопамятном дне — глаза проходящего не встречали никакого памятника, никакого обелиска: эти поля нашей славы принадлежали иностранцам. Лишь деревянный крест, выступающий над колосьями пшеницы в двадцати шагах от дороги, указывал место скромной могилы; но никакой надписи, сообщавшей, чьи останки, без сомнения славные, здесь покоятся. При мысли о почестях, кои следовало воздать всем этим храбрым

Впрочем, написанная Фором книга даже в собственно мемуарной части удивительно скупа на биографические подробности. Мы не знаем, что и кого оставил молодой врач во Франции, как он относился к своей начинавшейся военной карьере и задумывался ли вообще над целью и смыслом этого похода на Восток. Несомненно лишь, что Фор разделял с другими солдатами Великой армии чувство восхищения императором, отголоски которого слышались в его словах и по прошествии многих лет: «Самый могущественный государь на земле наводнил эти равнины своими грозными легионами <...>. По воле одного-единственного человека двигалась эта бесчисленная толпа! один-единственный человек стоял у истоков стольких бед! во власти одного-единственного человека было все остановить, все предупредить, и он упорствовал в своем пагубном решении!»⁹

Военные главы книги Фора отличаются от некоторых других воспоминаний младших офицеров французской армии, пожалуй, тем, что автор рассказывает только о пережитом им самим и увиденном собственными глазами. В то же время, поскольку Фор видел и знал очень немного, главы эти не добавляют ничего нового к картине первых месяцев русской кампании. 12 (24) июня Кавалерийский резерв перешел Неман, 13 (25) июля корпус понес первые потери при Островно, потом был в деле под Смоленском, штурмовал Шевардинский редут, сражался при Бородине, 6 (18) сентября прошел через горящую Москву и, не останавливаясь в городе, двинулся по Рязанской дороге, затем у Бронниц повернул на Старую Калужскую. Ровно через месяц военная эпопея доктора Фора завершилась. На рассвете 6 (18) октября Фор был взят в плен, во время внезапной казачьей атаки, не оставившей спавшим французам времени ни оседлать лошадей, ни взяться за оружие. Это было начало Тарутинского сражения, в котором, таким образом, Фор уже не участвовал. День он вместе с другими пленными провел под охраной казаков в ближнем лесу, ночью их отправили в главную квартиру, откуда в составе большой партии пленных под командованием конвойного офицера — в Калугу, а из Калуги — в Рязань.

воинам, можно было бы жалеть, что они пали вдали своего отечества, если бы путь, пройденный ими от домашнего очага до тех мест, названия которых увековечены их смертью, сам по себе не являлся лучшим свидетельством их несравненной доблести. Хотелось бы видеть их близких, пришедших оросить слезами землю, напоенную их кровью, — тогда их незатейливые надгробия были бы ценнее меди и мрамора, менее долговечных, чем их слава» (Faure. P. 7—8). «Воспоминания о Севере» изобилуют такого рода патетическими рассуждениями, так что рецензент «Revue Encyclopédique» имел все основания упрекать их автора в излишней «декламации».

⁹ Faure. P. 6, 7.

Этот путь в Рязань, вероятно, на всю жизнь остался самым страшным воспоминанием доктора Фора, и его описание должно было потрясти воображение французского читателя, хотя и тут Фор писал о том же, о чем вспоминали и другие его соотечественники, оказавшиеся в плену. Он писал о невыносимых морозах, о французских солдатах, застреленных по дороге или умиравших от тифа без медицинской помощи. По представлениям Фора, партия пленных, с которой он следовал, прибыла в Рязань где-то в начале ноября. В Рязани французских офицеров разместили по домам, и они получили от губернатора теплую одежду. Но конечным пунктом был назначен Тамбов, и дальнейшее путешествие сквозь морозную зиму в глубь России пугало даже пленных офицеров, передвигавшихся на санях. О солдатах, следовавших пешей колонной, говорить не приходилось. «Какая смерть для тех воинов, которые столько раз триумфально возвращались в свое отечество покрытые доблестными ранами, для людей, составлявших гордость Франции и внушавших уважение своим врагам!»¹⁰

В Тамбов Фор, однако, не попал: ему было разрешено остаться в Рязани при раненном в Бородинской битве французском генерале, названном в книге «генерал Б». Этим генералом, с которым судьба на ближайшие годы связала жизнь Фора, был Шарль-Огюст Бонами¹¹, во главе 30-го линейного полка атаковавший батарею Раевского и взятый в плен во время русской контратаки чуть ли не лично А. П. Ермоловым, который посвятил впоследствии этому эпизоду несколько строк в своих «Записках»¹². «Я отправил его в Орел, — писал Ермолов, — и

¹⁰ Faure. P. 81.

¹¹ Шарль-Огюст-Жан-Батист-Луи-Жозеф Бонами де Бельфонтен (Bonamy de Bellefontaine; 1764—1830) — французский аристократ, принявший сторону революции; в 1792 г. начал службу в Армии Севера; с 1798 г. бригадный генерал; в июле 1800 г. вышел в отставку; вернулся в армию в марте 1811 г., с 18 июня 1811 г. командующий 3-й бригады 1-й пехотной дивизии Первого армейского корпуса.

¹² «Подойдя к небольшой укрепленной долине, отделяющей занятое неприятелем возвышение, нашел я егерские полки 11-й, 19-й и 40-й, служившие резервом. Несмотря на крутизну восхода, приказал я егерским полкам и 3-му батальону Уфимского полка атаковать штыками, любимым оружием русского солдата. Бой яростный и ужасный не продолжался более получаса: сопротивление встречено отчаянное, орудия возвращены, и не было слышно ни одного ружейного выстрела.

Израженный штыками, можно сказать, снятый со штыков неустрашимый бригадный генерал Бонами получил пощадку; пленных не было ни одного, из всей бригады спаслись бегством немногие. Признательность генерала за оказанное ему уважение была совершенна» (*Ермолов А. П. Записки. 1798—1826 гг. М., 1991. С. 191—192).*

просил отца моего иметь непрерывно особенное о нем попечение»¹³. Присутствие Фора, кажется, не принесло генералу Бонами большой пользы, поскольку сам доктор через несколько дней заболел тифом¹⁴.

Едва Фор оправился от болезни, как Бонами, еще не встававший с постели, получил предписание следовать в Орел. В сопровождении русского офицера 31 января (12 февраля) 1813 г. Бонами с доктором выехали из Рязани. «Нас предварили, — вспоминал Фор, — что Орел представляет собой один из самых приятных губернских городов. Он более других цивилизован, и военнопленных там принимают во всех домах <...> и, прибыв туда, мы убедились, что нас не обманули в благорасположении его жителей. Городские власти и все дворянство были готовы разместить офицеров у себя, приглашали каждый день к столу и к участию во всех своих праздниках. Это настолько отличалось от ранее нами виденного, что мы не могли себе поверить. Все благородное общество говорило по-французски»¹⁵. Пленных в Орле было немного: большое число их умерло в предшествующие месяцы от тифа — «в месте, называвшемся у них больницей», замечает Фор с очевидным пренебрежением¹⁶. Оставшихся, в том числе и солдат,

¹³ Там же. С. 191.

¹⁴ Эта болезнь стала впоследствии предметом особого медицинского интереса Фора; он изучал ее в 1845 г. в тюремном госпитале Тулона и посвятил ей специальную работу (*Typhus, différent de la fièvre typhoïde... Toulon, 1846*).

¹⁵ Faure. P. 85—86.

¹⁶ *Ibid.* P. 87. Усовершенствование этой «больницы» за несколько месяцев до прибытия Фора в Орел стоило жизни Василию Ивановичу Киреевскому, мужу Авдотьи Петровны Киреевской (урожд. Юшкова, во втором браке Елагина; 1789—1877), племянницы и близкого друга В. А. Жуковского, в скором времени ставшей хорошей знакомой Фора. См. основанное на семейных рассказах свидетельство Т. Толычевой (Е. В. Новосильцевой) о деятельности В. И. Киреевского осенью 1812 г.: «Поселившись в своей скромной усадьбе под Орлом, он позаботился немедленно о том, чтоб приобрести себе деятельность. Городская больница обратила на себя его внимание; он поехал ее осмотреть и нашел в ней страшный беспорядок. Страдавшие заразительными болезнями не были отделены от прочих больных; раненые, которых привозили из нашей армии, лежали вповалку на полусгнившей соломе; одна палата казалась грязней другой; воздух был везде заражен. Василий Иванович принял на себя немедленно и совершенно самовластно попечение над больницей; распушил всех служивших при ней, приказал все привести в порядок и распорядился, чтоб из его имения доставляли свежую солому. Он знал толк в медицине: мало того, что все предписанья медиков проходили через его контроль, он прописывал сам лекарства. Каждое утро его встречали в больнице как начальника и ожидали его приказаний. <...> Мужеством и твердостью воли он подчинял себе всех, в том числе и городские власти. Число больничных кроватей он увеличил на свой счет, не жалея ни денег, ни труда. Все кипело под его руками; но дорого пришлось

расселили у жителей города и в окрестностях. Фор получил приглашение от Александра Алексеевича Плещеева и отправился в имение Большая Чернь Болховского уезда¹⁷. «Через две недели после прибытия в Орел, — пишет он, — я переселился на жительство в деревню, в круг семьи, где нашел бы счастье, если бы оно существовало для человека, видящего, что отечеству его грозят великие беды»¹⁸.

Фора встретил гостеприимный и веселый дом. Наследственного состояния у Плещеева не было, но он удачно женился на красавице Анне Ивановне Чернышевой¹⁹. «Они поселились в Черни, и там началась жизнь, которая была непрерывный пир. Всякий день что-нибудь праздновалось концертом, домашним театром, балом или гуляньем в рощу»²⁰. «Плещеев был человек богатый, славился хлебосольством, мастерством устраивать parties de plaisir²¹ в великолепном селе сво-

ему поплатиться за свою деятельность. Он вернулся раз домой в сильном лихорадочном состоянии: медики объявили, что он заразился больничным тифом, и не оказалось возможности его спасти» (*Толычева Т.* Рассказы и анекдоты // РА. 1877. Т. 2, № 7. С. 364—365). В. И. Киреевский умер 1 ноября 1812 г. Возможно, его усилий оказалось недостаточно, чтобы сделать больницу приемлемой с точки зрения французского доктора, и, как часто бывает с делами, движимыми частной инициативой, после смерти Киреевского все в больнице, очевидно, вернулось к первоначальному состоянию. Вместе с В. И. Киреевским с тифом в Орле боролись доктор Вицман и Гаспари, представленный осенью 1813 г. к ордену св. Анны 2-й степени. В 1814 г. Жуковский через своих петербургских друзей А. И. Тургенева и Д. А. Кавелина, директора Медицинского департамента, хлопотал о получении Гаспари обещанной награды (см. его письмо к А. И. Тургеневу от 24 марта и 1 декабря: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. М., 1895. С. 108—109, 134; также стихотворное послание «К Кавелину» («Кавелин! друг, поэт, директор...»), датированное 27 октября 1814 г.: *Жуковский В. А.* Полн. собр. соч. и писем: В 20 т. М., 1999. Т. 1. С. 354—355, 711 (далее: Жуковский. ПСС).

¹⁷ А. А. Плещеев (1778—1862) — сын Алексея Александровича Плещеева и Анастасии Ивановны (урожд. Протасова), московских друзей Н. М. Карамзина (в 1801 г. женившегося на Елизавете Протасовой (1771—1802), младшей сестре Анастасии Ивановны). Чернь находилась в 50 верстах от Орла.

¹⁸ Faure. P. 88.

¹⁹ А. И. Плещеева (ум. 1817) — дочь генерал-фельдмаршала графа И. Г. Чернышева (1726—1797). «Анна Ивановна страстно любила мужа своего и так же страстно ревновала его, хотя и не знала, до какой степени имела причины ревновать его. Он наружно оказывал ей всевозможные знаки обожания и обманывал изо всех сил. Все именины и день ее рождения в Черни для нее были сюрпризы на каждом шагу. Она прославлялась, как богиня; и тут же, под ее носом, он обманывал ее. Кажется, что она так дожила и до смерти своей, в блаженном неведении» (*Елагина Е. И.* Семейная хроника // Российский архив: История отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX вв. (Нов. серия). М., 2005. Вып. 14. С. 285).

²⁰ Там же.

²¹ увеселения (*франц.*).

ем Черни, держал музыкантов, фокусников, механиков, выстроил у себя театр, сформировал из своих крепостных труппу актеров и обладал сам замечательным сценическим искусством. Он не мог жить без пиров и забав: каждый день общество, собиравшееся в Черни, каталось, плясало и играло в *Secrétaire*»²². Общество это, членом которого оказался Фор, представляло из себя большой родственно-дружеский круг. В Черни жили Плещеев с Анной Ивановной и детьми²³, не в очень большом отдалении (в сорока верстах) находилось Муратово — имение Екатерины Афанасьевны Протасовой²⁴. Тревожную осень и зиму 1812 г. Протасова с дочерьми²⁵ прожили в Орле, в доме Плещеевых, но по изгнании французов из России переехали обратно в Муратово, где к ним присоединился вернувшийся 6 января 1813 г. из армии В. А. Жуковский. В Муратово у тетки на первое время поселилась также овдовевшая Авдотья Петровна Киреевская с детьми, только спустя несколько месяцев решившаяся отправиться в свое имение Долбино²⁶. В родовое Мишенское под Белевым приехали незамужние сестры Киреевской Юшковы²⁷, которые бежали в августе из Москвы и нашли пристанище у родных под Рязанью. Ко времени появления Фора они тоже уже перебрались в Муратово. В 1814 г. по возвращении

²² Толычева Т. Рассказы и анекдоты. С. 366; то же: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. М., 1999. С. 145—146. Упоминаемая модная салонная игра «секретарь» (*Secrétaire*) состоит в следующем: каждый из играющих пишет вопрос, предлагает указать сходство или разницу между двумя какими-нибудь предметами. Вопросы опускаются в общую коробку, после чего каждый вытаскивает наудачу записку и пишет ответ. Несколько таких стихотворных ответов Жуковского 1813 г. см.: Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 314—316.

²³ Алексей (1800—1842), в 1814 или 1815 г. определенный в Корпус инженеров путей сообщения, Александр (1803—1848) (см. о них: Декабристы: Биограф. справ. М., 1988. С. 143), Петр (1805—1859), Григорий (ум. не ранее 1866), Варвара и Мария.

²⁴ Е. А. Протасова (урожд. Бунина; 1770—1848) — дочь Афанасия Ивановича (ок. 1716—1791) и Марии Гавриловны (урожд. Безобразова; ок. 1728—1811) Буниных, сводная сестра В. А. Жуковского.

²⁵ Мария Андреевна (в замуж. Мойер; 1793—1823) и Александра Андреевна (в замуж. Восейкова; 1795—1829).

²⁶ Дочь Петра Николаевича Юшкова (ум. 1805) и Варвары Афанасьевны (урожд. Бунина; 1758—1797), двоюродная сестра М. А. и А. А. Протасовых; ее дети от брака с В. И. Киреевским — Иван Васильевич (1806—1856), Петр Васильевич (1808—1856) и Мария Васильевна (1811—1859). Имение Киреевских Долбино Лихвинского уезда Калужской губернии находилось в шести верстах от Белева.

²⁷ Анна Петровна (в замуж. Зонтаг; 1785—1864) и Екатерина Петровна (в замуж. Азбукина; ум. в 1817).

русских войск из Парижа в родных местах появился увешанный наградами штабс-капитан Василий Андреевич Азбукин, вскоре женившийся на Екатерине Юшковой. Сестра его Наталья Андреевна²⁸ жила попеременно то в Муратове, то в Долбине у Киреевской. В октябре 1813 г. Жуковского заехал навестить давний товарищ А. Ф. Воейков и надолго остался в Муратове. Следует упомянуть также барона и баронессу Черкасовых, хозяев имения Володьково Белевского уезда²⁹, и привезенного Е. А. Протасовой из Орла доктора Фриофа, врача русского передвижного госпиталя, который заболел тифом на марше из Калуги в Орел и отстал от армии³⁰. Фор не был лишен и общества соотечественников: у Протасовых жил пленный офицер Мену, племянник наполеоновского генерала, в Черни — управляющий Осип Петрович Букильон и губернёр маленьких Плещеевых месть Визар.

9 мая 1813 г. Жуковский обращался к А. И. Тургеневу в Петербург с просьбой:

Здесь в Орле есть пленный генерал Бонами, храбрый и благородный человек. Я видел его после Можайского сражения, с десятью или и более ран, сделанных штыком (из коих одна преглубокая

²⁸ В. А. Азбукин (ум. 1832) и Н. А. Азбукина — внебрачные дети Андрея Ивановича Протасова (ум. 1805), сводные брат и сестра М. А. и А. А. Протасовых.

²⁹ Иван Петрович Черкасов (ок. 1761 — после 1841), владелец более тысячи душ в Тамбовской, Тульской, Орловской и Московской губерниях, и Мария Алексеевна (урожд. Кожина; ум. до 1826). Из восьми детей Черкасовых участницей чернско-муратовского общества, по-видимому, была Елена Ивановна, часто упоминающаяся в письмах Жуковского и Киреевской (см.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. 1813—1852. М., 2009 (по указ.)). Сыновья Петр Иванович (1796—1867), воспитанник Московского училища для колонновожатых, и Алексей Иванович (1799—1855), будущий декабрист, ученик Московского университетского пансиона, а с 1816 г. — училища для колонновожатых, видимо, бывали в Володькове только наездами.

³⁰ Иоханн Людвиг Вильгельм (Иван Федорович) Фриоф (Früauf; 1765 — после 1826) — сын лютеранского пастора, выпускник Лейпцигского и Энского университетов, доктор медицины и хирургии; в России с 1792 г., занимался врачебной практикой в Москве. Фриоф был уволен из военной службы по состоянию здоровья 8 июня 1814 г. Об устройстве его судьбы Жуковский хлопотал через А. И. Тургенева и Д. А. Кавелина (см. письмо Жуковского к А. И. Тургеневу от 24 марта 1814 г.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 108). В июле 1814 г. Фриоф уже покинул Протасовых и находился в Орле (см. письмо Жуковского к Д. А. Кавелину от 18 июля 1814 г.: РА. 1900. Т. 3, № 9. С. 31). В Муратове Фриоф пробовал свои силы в переводе на немецкий русских поэтов (Дмитриева, Крылова, Державина, Жуковского), создал цикл иллюстраций к произведениям Жуковского. Позднее, с сентября 1819 до конца 1826 г. служил в Публичной библиотеке в Петербурге (см. о нем: Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биограф. словарь. СПб., 1995. Т. 1: 1795—1917. С. 552).

на груди и от которой он весьма страдает). Теперь он находится в Орле, откуда велено его переслать с прочими пленниками в Казань. Это путешествие будет для него смертельно; тяжелая рана его погубит. Он писал к военному министру письмо, в котором просит, чтобы ему позволено было остаться в Орле до поправления раны. Письмо это послано вместе с моим к тебе. И просьба моя состоит в том, чтобы ты, если имеешь какую-нибудь возможность, выхлопотал у министра ответ благоприятный; если не сам, то хотя через други. Очень бы я желал, чтобы можно было помочь этому хорошему человеку, умному и храброму. Будет весьма жестоко, если просьба его не уважится.³¹

Хлопоты за Бонами увенчались успехом, он остался в Орле и вошел в круг гостей Черни и Муратова. Постоянные столкновения ярого бонапартиста Мену и Бонами, который сохранял верность республиканским идеалам своей молодости, «не скрывал <...> своей ненависти к Наполеону и предсказывал, что “этот самозванец” загубит окончательно Францию»³², разнообразили жизнь обитателей Муратова политическими дискуссиями, несомненно заслуживавшими внимания молодого доктора Фора.

Плещеевы, казалось, вообще стремились собрать вокруг себя как можно больше французских пленных. Так, 31 января 1814 г. Жуковский обращался к А. И. Тургеневу с очередным поручением — перевести из Тамбовской губернии в Орловскую для пребывания в Болхове племянника Букильона, капитана 4-го линейного полка Франсуа. «Этим одолжишь меня, ибо я желаю оказать какую-нибудь услугу Плещеевым, которые более нежели мне родные, потому что их дружба заботится обо мне как об них о самих», — прибавлял он в письме³³.

³¹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 99.

³² *Толычева Т.* Рассказы и анекдоты. С. 365; то же: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 144. Т. Толычева пишет, что Бонами постоянно жил в Муратове, но это, по-видимому, неверно. Так, Бонами не упомянут, например, среди встречавших Новый 1814 год в Муратове в дневниковой записи А. Ф. Воейкова, приводимой ниже. Мену упоминается как живущий в Муратове в письме Жуковского к А. П. Киреевской от 22 мая 1814 г., там же говорится и о некоем Морленкуре, знакомом Мену, видимо, также французском офицере, бывавшем у Протасовых и Плещеевых (см.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 35). 6 сентября 1815 г. М. А. Протасова, характеризуя в письме к Киреевской постоянных гостей их дома в Дерпте, писала про одного из них, что он «точно Мепон наш, француз во всей силе слова и такой же не-терпеливый» (Уткинский сборник. I: Письма В. А. Жуковского, М. А. Мойер и Е. А. Протасовой. М., 1904. С. 157).

³³ ИРЛИ, ф. 309, № 124, л. 340—341.

Уже 15 февраля Тургенев извещал Жуковского об исполнении его желания, и к началу июня капитан Франсуа пополнил ряды посетителей Черни³⁴.

Все это многочисленное общество свободно перемещалось между именными, постоянно обменивалось записками, часто в стихах, и книгами, посылавшимися с дворовыми людьми. Семейные предания, переданные Е. И. Елагиной, сохранили память о небывало веселых 1813 и 1814 гг., когда «к обыкновенному обществу гостей-соседей присоединилось много образованных и любезных пленнх французов, живших в Черни или по соседству»³⁵. «Не знаю, — прибавляет мемуаристка, — как на это смотрел простой народ, крестьяне чернские, но они это выносили и не оскорбляли ни французов, ни помещиков»³⁶.

Новый 1814 год встречали в Муратове (Е. А. Протасова с дочерьми, Жуковский, Плещеевы, Киреевская и сестры Юшковы, Воейков, Букильон, доктор Фриоф и доктор Фор) с ужином, шампанским, игрой в жмурки и стихами Жуковского³⁷. 6 января в Черни праздновалась годовщина возвращения Жуковского из армии. А. Ф. Воейков оставил памятную запись об этом дне:

Двойной праздник *fête des rois*³⁸ и возврат Жук<овского> из армии в прошлом году. Меня выбрали в короли бобов. А. И. Плещеева пела «Светлану»³⁹ с оркестром, потом «Велизария»⁴⁰, потом Клоссен играл русские песни на виолончели. За ужином все, кроме меня, подпили; пито за здоровье ангела-хранителя Жуковского, за любовь и дружбу. Горацианский ужин! благородное пьянство! изящные дурачества!⁴¹

³⁴ См.: Там же, № 4713а, л. 23; Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 121.

³⁵ Елагина Е. И. Семейная хроника. С. 285.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Тольчева Т. Рассказы и анекдоты. С. 365—366; то же: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 145; Соловьев Н. В. История одной жизни: А. А. Воейкова — «Светлана». Пг., 1915. [Т. 1]. С. 29—31; написанные к празднику стихи Жуковского «Друзья! я восемьсот...» см.: Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 293—295.

³⁸ Буквально: праздник королей — Богоявление, отмечающееся в большинстве европейских стран 6 января. Существовал обычай готовить к этому празднику круглый пирог с запеченным в него бобом. Тот, кому доставался боб, объявлялся королем или королевой.

³⁹ Баллада Жуковского (1808—1812).

⁴⁰ Романс на стихотворение А. Ф. Мерзлякова (1806).

⁴¹ Цит. по: Соловьев Н. В. История одной жизни. [Т. 1]. С. 33.

14 июля 1814 г. состоялась свадьба А. Ф. Воейкова и А. А. Протасовой. 3 августа традиционно отмечали день рождения А. И. Плещеевой. Описание этого дня дает представление о подлинном размахе праздников в Черни:

После обедни, на которую съехались ближние и дальние соседи, хозяин предложил прогулку. Пошли в рощицу, где, к общему удивлению, стояла выросшая за ночь роща.

Когда виновница пира к ней приблизилась, роща склонилась перед ней и обнаружился жертвенник, украшенный цветами; возле него стояла богиня, которая приветствовала Анну Ивановну поздравительными стихами. Потом богиня и жертвенник исчезли, и на место их явился стол с роскошным завтраком. По выходе из-за стола Плещеев спросил у жены и гостей, расположены ли они воспользоваться хорошою погодой, и привел их к канавке, за которой возвышалась стена. Вход в ворота был загорожен огромной женской статуей, сделанной из дерева. «Madame Gigogne, voulez-vous nous laisser entrer?»⁴² — закричал хозяин. Но негостеприимная madame Gigogne размахивала руками вправо и влево и кивала грозно головой. Тогда явился монах и стал творить над ней заклинанья, разумеется по-французски. Побежденная madame Gigogne упала во весь рост через канаву, и спина ее образовала мост. С своей стороны, монах превратился в рыцаря и приглашал гостей войти. Когда они перешагнули за ворота, целый город представился их взорам. Тут возвышались башни, палатки, беседки, качели. Между ними стояли фокусники с своими снарядами и сновали колдуны, которые предсказывали каждому его будущность. Под звуки военной музыки маневрировал полк солдат. На их знаменах и киверах стояла буква Н, так как Плещеев звал жену свою Ниной. Лавочники приглашали посетителей взглянуть на их товары и подносили каждому подарок. Для крестьян были приготовлены лакомства всякого рода. У одной из башен стоял молодец, который зазывал к себе гостей. «Voulez-vous entrer, mesdames et messieurs, — кричал он, — voulez-vous entrer: nous vous ferons voir de belles choses»⁴³. У него была устроена *камер-обскура*; все входили и глядели поочередно сквозь стеклышко, вставленное в ящике, на портрет Анны Ивановны, вокруг которого плясали амуры.

Обед был, разумеется, роскошный; потом общество получило приглашение на спектакль. Давали «Филоктета», трагедию Софокла, переложенную на французский язык⁴⁴, потом комедию-фарс под

⁴² «Мадам Жигонь, позвольте ли нам войти?» (*франц.*) Матушка Жигонь — персонаж театра марионеток.

⁴³ «Не угодно ли войти, дамы и господа, не угодно ли войти, мы покажем вам прекрасные вещи» (*франц.*).

⁴⁴ Вероятно, трагедия Ж.-Ф. де Лагарпа (*La Harpe*; 1739—1803) «Филоктет» (*Philoctète*, 1781).

заглавием «Le sourd, ou L'auberge pleine»⁴⁵. На этом представлении отличался сам Плещеев, который дополнял комедию своими остротами и морил со смеху публику. За спектаклем следовали иллюминация, танцы и ужин.⁴⁶

Фор не просто был принят в Черни и Муратове как свой — он скоро сделался совершенно необходим их обитателям. В 1813 г. он успешно лечил тяжело заболевшую Машу Протасову, и, когда опасность миновала, благодарный Жуковский выразил свою радость в прочувствованном стихотворном послании «К доктору Фору». Послание Жуковского дает и некоторые штрихи к портрету доктора:

Могу сказать тебе в стихах,
Что дар приятным быть имеешь,
Что сердцем добр, как на словах,
И притворяться не умеешь;
Что к шахматам имеешь страсть,
Хотя играешь очень худо;
Что для тебя совсем не чудо,
Зажмурясь, в шар шаром попасть;
Что пишешь умные ответы⁴⁷
И что всегда твои портреты
Похожи, только не на тех,
Кто был твоим оригиналом;
Что ты с друзьями любишь смех
И не боишься за бокалом
Пред ними сердце расстегнуть...⁴⁸

Сам Фор, не зная русского языка, не мог, конечно, прочесть адресованных ему стихов. Тем не менее ему, возможно, был лестен этот знак внимания русского поэта, о возрастающей славе которого он должен был быть наслышан. Год спустя Фор со своей стороны обратился к Жуковскому с французскими стихами. При отъезде Жуковского в Дерпт, прощаясь с ним 9 (21) января в Долбино у Киреевской, Фор записал русскому поэту на память:

De tous vos titres à la gloire
Je ne peux sentir la grandeur.
A tout un peuple s'il faut croire
En vous vit un feu créateur

⁴⁵ «Глухой, или Полный постоялый двор» (*франц.*).

⁴⁶ Толычева Т. Рассказы и анекдоты. С. 367—368; то же: В. А. Жуковский в воспоминаниях современников. С. 146—147.

⁴⁷ Имеется в виду игра «секретарь».

⁴⁸ Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 299.

Dont j'avais bien vu la lueur.
Mais de cette divine flamme
Si par malheur je fus privé,
Toujour je fus dédommagé
En vous voyant une belle âme
Faitе pour *l'immortalité*.⁴⁹

Фор лечил, вероятно, и А. И. Плещееву, и Е. А. Протасову, с осени 1812 г. страдавшую сильными головными болями, и других. По-видимому, в своем лечении он широко прибегал к диетам и вообще не был сторонником обильных чернских трапез. Так, как-то раз Плещеев с Жуковским простудились на прогулке и Жуковский, вынужденный остаться в Черни, извещал об этом жителей Муратова стихотворной запиской, сообщая, что он

...в лапах у Лефорта,
Не доктора, а черта,
Сушителя кишков,
Злодея поваров!
Когда б его послушать,
То кухню б на запор!
Он не охотник кушать,
И бог его запор.
Зато уж наша Нина⁵⁰
На голос казачка

⁴⁹ Перевод: «Я не могу вполне чувствовать, сколь велики ваши права на славу. Общее мнение уверяет, что в вас горит творческий огонь, отблеск которого был хорошо виден и мне. Но если, к несчастью, это божественное пламя осталось мне недоступным, я всегда утешался созерцанием прекрасной души, созданной для *бессмертия*». Запись сделана в альбоме (ИРЛИ, № 27802, л. 4), подаренном Жуковскому родными и друзьями перед отъездом в Дерпт. Этот так называемый альбом представляет собой кожаную папку-футляр с вложенными в нее листками бумаги с золотым обрезом; на первых листках — обращенные к Жуковскому памятные записи его чернских и долбинских друзей. Надо признать, что Фор в поэтическом мастерстве не далеко ушел от девятилетнего Ивана Киреевского, также написавшего стихи на отъезд Жуковского, причем уж точно более искренние:

Ах! в Дерпт зачем ты едешь,
Жуковский добрый мой!
Зачем от нас уедешь,
Жуковский, ангел мой!
Подумай, как прекрасно
Тебе бы с нами жить.
Уедешь ты напрасно,
Мы будем все тужить.

(Там же, л. 3).

⁵⁰ А. И. Плещеева.

Поет исподтишка:
«О рожа! О скотина!
Копченный сатана!»
Не диво! ведь она
Желудку не злодейка!
В руках ее индейка
И два-три пирога
Исчезнут в два мига!
Приятно ль ей поститься!⁵¹

Несмотря на принятые им на себя обязанности семейного доктора, участие во всех коллективных чернско-муратовских развлечениях и непрерывную игру с Плещеевым на биллиарде⁵², времени для досуга у Фора оставалось достаточно. В его распоряжении была хорошая исключительно французская библиотека Плещеевых. Видимо, с целью приобрести какие-нибудь знания о стране своего вынужденного пребывания Фор читал «Русскую историю» Левека⁵³ (единственный, кстати, из исторических трудов, который он широко цитирует в своей книге).

⁵¹ Жуковский. ПСС. Т. 1. С. 321.

⁵² См., например, в одном из стихотворных писем Жуковского в Муратово из Черни:

Встречать меня пришли
В передней Плещеняты,
Их мать и Букильон.
А сам Плещук копченный,
Быв страшно рассержен
Моей, друзья, изменой,
Ко мне не выходил
И с доктором долбил
В столовой шаропехом
Шары как на убой!

(Там же. С. 319)

⁵³ *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie, tirée des chroniques originales, de pièces authentiques et des meilleurs historiens de la nation. Paris, 1782. Vol. 1—5.* В библиотеке Плещеевых, скорее всего, было второе издание, включающее описание царствования Екатерины II: *Levesque P.-Ch. Histoire de Russie. Nouv. éd. corrigée et augmentée par l'auteur, et conduite jusqu'à la mort de l'impératrice Catherine II. Paris, an VIII [1799]. Vol. 1—8* (то же: *Hambourg et Brunswick, 1800. Vol. 1—8*). Фор, читающий Левека, упоминается в шуточном стихотворении Жуковского 1813 г. «Похождения или поход первого апреля» (в изд.: Жуковский. ПСС датировано 1814 г., что неверно. Жуковский не мог 1 апреля 1814 г. находиться в Черни, где написано стихотворение: Пасху, приходившуюся на 29 марта, он встречал с Протасовыми и Воейковым в Муратово, Плещеевы же в это время были в Ельце; см. письмо Воейкова и Жуковского к А. И. Тургеневу от 30 марта 1814 г. и письмо Жуковского к А. П. Киреевской от 16 апреля 1814 г.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 111—113; Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 18—19).

Форю было что вспомнить и о праздниках, и о буднях своей русской жизни, и его воспоминания могли бы представлять исключительный интерес. Но он писал не воспоминания. Во второй и третьей частях своей книги Фор почти не пишет о себе, не упоминает никаких имен своих знакомых. Он полностью сосредоточен на создании образа страны, представляющей в настоящий момент реальную угрозу западной цивилизации, повторяя при этом как послушный ученик все общие места недружелюбной европейской россики. И здесь уместно задать вопрос, могли ли обстоятельства жизни Фора способствовать сколько-нибудь глубокому знакомству с Россией.

Этот вопрос трудно решить однозначно. Фор имел возможность хорошо изучить только одну, хотя и очень важную, составляющую русской жизни. Он познакомился с провинциальной помещицей Россией, причем в лучших ее проявлениях, — с Россией культурных «дворянских гнезд». Однако среда, в которой оказался Фор, сама по себе, кажется, препятствовала тому, чтобы у доктора мог сложиться достаточно адекватный образ страны в целом. Его окружало замкнутое, совершенно самодостаточное общество, целиком сосредоточенное на своих внутренних отношениях и заботах. Политикой здесь не интересовались, острые социальные темы вообще не поднимались, общественные вопросы занимали в жизни обитателей Муратова и Черни очень незначительное место, и социальный уклад, на котором основывалось все их существование, воспринимался как нечто само собой разумеющееся и пока еще не становился предметом рефлексии. Приятности чернской жизни не только не скрывали от взора европейца ее оборотной стороны, но едва ли не делали ее более очевидной.

Моим хозяевам, — пишет Фор, — принадлежало две тысячи четыреста душ мужского пола и достаточно земли, чтобы все они были на ней заняты; они имели от 55 до 70 тысяч рублей годового дохода. Таким образом, почти пять тысяч человек прозябали в бедности, чтобы выкормить и обогатить одно семейство, которое, несмотря на это, не достигло ни достаточного богатства, ни достаточно высокого положения в обществе. Этот доход почти полностью поглощался их деревенской жизнью, и значительная его часть уходила на содержание двора.⁵⁴

Француз не оставил без внимания и оборотную сторону пышных праздников Плещеева, устраиваемых силами крепостных музыкантов и танцоров. Упомянув о существовавшем в Черни оркестре, он замечает: «Я был немало удивлен, когда в первый раз услышал приказание выпороть первую скрипку, талантливого молодого человека;

⁵⁴ Faure. P. 203.

однако скоро я к этому привык: пороли альт, бас, контрабас, и ни я, ни тем более они не придавали этому значения»⁵⁵. «Я видел, — пишет он в другом месте книги, — как изящные чувствительные барышни, обладавшие прекрасным сердцем, хладнокровно приказывали подвергнуть кого-нибудь из своих людей телесному наказанию, потому что не могли вообразить, что этот человек способен чувствовать так же, как они...»⁵⁶

Вероятно, излишне требовать, чтобы молодой французский доктор был способен осмыслить то сочетание варварства и высокой культуры, которое открылось ему в русской жизни. При всем том он должен был отдавать себе отчет, что окружали его люди просвещенные, хорошо образованные, доброжелательные и в каком-то смысле глубоко нравственные. Интересы корысти, эгоистические побуждения, честолюбивые виды были совершенно чужды обитателям Черни и Муратова. Кроме того, этих людей, при их явном нежелании посвятить себя государственной службе и достаточно очевидном равнодушии к хозяйственным занятиям, нельзя было обвинить и в праздности. Их повседневное существование было наполнено деятельностью, но деятельностью несколько особого свойства, направленной на совершенствование своего духовного мира и движимой неким туманным идеалом «прекрасной души» — семейно-провинциальным изводом дошиллеровского сентиментального типа «schöne Seele»⁵⁷.

А. П. Киреевская писала Жуковскому:

Ваша жизнь прекрасна, милый друг, и тогда даже, когда вы зеваете: «Владимир» может быть нужен для потомства, но не для украшения вашей жизни. Жить для добра, любить его при каждом дыхании, и в горести, и в счастии, жертвовать для него всем и беспрестанно иметь сердце, полное прелестною этою любовью, — милый друг, такая жизнь хороша и без славы и вся может почтяться добрым делом. — «Владимир», прочие ваши будущие поэмы, послания, оды и прочее, все в моих глазах не цель вашей прелестной жизни, а занятия так, как чулок, картинка, соната наполняют несколько часов жизни Машиной⁵⁸, а не составляют жизни ее. Труд утешитель, конечно! — но потому, что им вы можете сообщать другим прекрасную душу свою, потому что она видна в каждой строчке, что им сохраняется и передается великая

⁵⁵ Ibid. P. 201—202.

⁵⁶ Ibid. P. 247.

⁵⁷ О различии сентименталистского и штюмерского вариантов понятия «schöne Seele» см., например: Вацуро В. Э. Лирика пушкинской поры: «Элегическая школа». СПб., 1994. С. 34—35.

⁵⁸ Имеется в виду М. А. Протасова.

мысль, добро, чувство и что он делает душу способною к наслаждениям, покою и радости. — Но без прелести этой милой души ни труд, ни покой, ни занятия не были бы утешением!⁵⁹

Этот идеал был неразрывно связан с представлением о частном семейном счастье, в котором «прекрасная душа» только и могла проявиться вполне и к которому были направлены все стремления обитателей Муратова, Черни и Долбина, считавших его единственной достойной целью человеческой жизни⁶⁰. Когда Жуковский еще надеялся на союз с М. А. Протасовой, он писал в своем дневнике:

С нетерпением жду той минуты, в которую счастье даст мне новую жизнь. Это возможное преобразование самого себя радует меня наравне с тою надеждою, которая представляет мою Машу моим ангелом-спутником, участником чистой, невинной жизни. <...> И как теперь Маша для меня бесценна: только с нею такая жизнь для меня возможна. Не могу порядочно объяснить себе теперешнего моего понятия о будущем: какое-то темное предчувствие чего-то необыкновенно счастливого. Вижу перед собою самую тихую и вместе самую деятельную жизнь. Тихую, потому что она ограничится самым тесным кругом, где будет нашим свидетелем и судиею одна мать; деятельную, потому что вся обратится на себя — столько чувств, которые во мне погибали даром, вдруг получают свободу...⁶¹

Поместный домашний быт, с которым соприкоснулся Фор, по формам был вполне европейским, а его русские друзья, всеми силами пы-

⁵⁹ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 101—102 (письмо от 10 июля 1815 г.).

⁶⁰ О таком счастье, обретенном ее сестрой в замужестве, А. П. Киреевская писала 9 ноября 1815 г. Жуковскому: «*Игнатьево* — то есть маленький *кастел* (укрепленный замок, от нем. *Kastell*. — *Е. Л.*) в обетованной земле, о котором некоторые листки говорят, будто она *terra incognita* <земля неизвестная (*лат.*)>! — Тут наши оба! — Тут наши оба ленивые отшельники без всяких хлопот доказывают, что ее отыскать можно, что она не так-то далеко в *безвестном океане*, как иные воображают, что она на *твердой земле*, что без компаса, без бурных ветров, без туч, без звезд и просто при светлом сиянии тихого солнца ее найдешь, да и то еще подле себя! — Милый Жуковский! на них глядеть весело... Маленький их домик, только что построенный, без мебели, без всякого еще украшения, новое, совсем еще не заведенное хозяйство и беззаботное, счастливое наслаждение! — Катюшка моя таскает свое брюшко, смеется гримасам своего Амадиса, ходит из горницы в горницу, запирает и отпирает сама ящички с домашними припасами, вяжет свивальники, спорит об шахматах и поглядывает беспрестанно с милым взглядом на курносого героя» (Там же. С. 125; упомянутое *Игнатьево* — деревня Юшковох, где после свадьбы отстроили дом и поселились Азбукины).

⁶¹ Жуковский. ПСС. Т. 13. С. 58.

тавшиеся оградить от внешнего мира свой маленький семейный круг, вероятно, несказанно бы удивились, услышав о якобы неодолимой русской экспансии в Западную Европу. То, что видел вокруг себя Фор, явно требовало более глубокого социологического анализа. Но Фор не был ни мыслителем, ни политическим писателем. Он принес личные воспоминания в жертву концепции.

Впрочем, следы этих воспоминаний, кажется, можно найти на страницах его книги, но только в специфически трансформированном виде. Так, несомненно, впечатления от библиотеки Плещеевых легли в основу его характеристики частных книжных собраний в России:

В составлении своих библиотек, если они их имеют, русские руководствуются исключительно вкусом; они мало ценят, даже презирают занятия, в которых надо с трудом доискиваться истины, вместо того чтобы пустить свои мысли вослед игре воображения.⁶²

Далее Фор пишет о русском образованном дворянстве:

...едва ли кто из этих господ хотел быть ученым, физиком, натуралистом. Они не могут удержаться от жалостливой усмешки, произнося эти слова, которые приводят нас на память столько чудесных свершений человеческого духа и указывают последний приют, где он мог бы укрыться от угнетения. Но при том едва ли хоть один из них не видит себя автором романа, стихотворной пьесы, трагедии, которые можно писать везде и не теряя из виду трон и двор, куда их беспрестанно влечет обольщенное самолюбие или высокое представление о самих себе.⁶³

Невольно возникает мысль, что в этом пассаже косвенно имелся в виду Жуковский. Во всяком случае, литературные опыты остальных русских знакомых Фора не шли дальше шуточных стихов и записей в альбомы. В Муратове жил еще Восейков, но он в 1814 г. был озабочен не литературной славой, а получением профессорского места в Дерпте — ученой должности, которая в глазах француза не могла не связываться с представлением о постоянном усидчивом труде. Жуковский, правда, не писал трагедий, но еще не оставил мысли о создании исторической поэмы «Владимир»⁶⁴. Из письма И. И. Дмитриева от

⁶² Faure. P. 230.

⁶³ Ibid. P. 230—231.

⁶⁴ Замысел поэмы «Владимир» относится к 1810 г., но еще в середине сентября 1814 г. Жуковский интересовался у А. И. Тургенева: «Нет ли у тебя каких-нибудь пособий для “Владимира” — древностей, которые бы дали понятия о том веке, старинных русских повестей?» (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 125).

20 февраля 1813 г.⁶⁵ он узнает о высокой оценке вдовствующей императрицей «Певца во стане русских воинов» и желании ее на свой счет напечатать второе издание. Жуковский откликается на это известие посланием «Государыне императрице Марии Федоровне» («Мой слабый дар царица ободряет...»), над которым работает в марте — начале апреля 1813 г., не скрывая от друзей своих переживаний:

...все это меня чрезвычайно радует и порядочно шекочет мое авторское самолюбие, которое теперь беспрестанно жужжит мне на ухо словами моего доброго друга: пиши более и скорее. Буду, буду писать. Другого нечего и делать, ибо ничего другого не умею⁶⁶.

Осенью 1814 г. создается послание «Императору Александру», 1 декабря отосланное в Петербург. Известие о его торжественном чтении во дворце 30 декабря вскоре дошло до Черни⁶⁷. О своем представлении Марии Федоровне и великим князьям Николаю и Михаилу Павловичам Жуковский подробно рассказывал в письме к А. П. Киреевской из Петербурга от 11 июня 1815 г.⁶⁸

Жуковскому, впрочем, менее чем кому-либо можно было вменить в вину «обольщенное самолюбие», которое бы влекло его к придворным кругам. На протяжении долгого времени он упорно отклонял все попытки петербургских друзей вытащить его из сельской глуши в столицу. Однако в глазах Фора последовательный отказ поэта от службы мог только подтверждать сложившееся у него мнение о русском дворянстве:

Общественные посты, судейские должности, серьезные занятия, которые могли бы уничтожить или, по крайней мере, несколько переменить эту склонность ума и сердца к мечтательным крайностям, строго говоря, не существуют. Никто не хочет занимать незначительные должности, всеми презираемые...⁶⁹

⁶⁵ См.: *Дмитриев И. И.* Соч. СПб., 1895. Т. 2. С. 217.

⁶⁶ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 101 (письмо от 20 мая 1813 г.).

⁶⁷ Письмо А. И. Тургенева с рассказом о чтении послания у вдовствующей императрицы от 1 января 1815 г. (РА. 1864. № 4. Стб. 448—452) Жуковский получил 9 января, «сажаясь в кибитку и на отъезде в Москву» (см. его ответное письмо к Тургеневу от 25 января 1815 г.: Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 135). Список с него он в тот же день отправил Плещеевым (см.: РА. 1864. № 4. Стб. 452).

⁶⁸ См.: Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 92—94. «Чтобы не описывать два раза одного и того же, — пишет Жуковский в конце письма, — начало моих здешних походов опишу к Плещеевым, и от них вы получите это письмо. <...> Это письмо и для Мишенского, и для двух Володьковских моих друзей» (Там же. С. 95).

⁶⁹ Faure. P. 231.

В результате, томясь от скуки в своей деревне, русский помещик, подавленный сознанием собственной бесполезности, предается печальным размышлениям.

Они становятся меланхоличны или склонны к самым грустным, самым мрачным переживаниям; они прямо падки на них. Это страна, где элегическим поэтам публикация их произведений доставляет, вероятно, наибольшее удовольствие, поскольку ни в какой другой стране Европы они не производят такого эффекта. Все сердца стеснены желанием излить печаль, все так и стремятся рассыпаться в патетических выражениях: все хотят писать или слушать стихи и чувствуют облегчение, когда им удастся доказать свою чувствительность.⁷⁰

Это, конечно, тоже отчасти навеяно жизнью Муратова и Черни, фон которой составляли элегические песни и романсы Жуковского.

Однако никто из русских знакомых Фор у точно не мог служить оригиналом нарисованного им портрета русского помещика. Фор описывает день хозяина усадьбы: медленно тянущееся время от завтрака до обеда и от обеда до ужина, сон днем, много водки, долгие вечера, которые как-то скрашиваются картами, пением крепостных или, редко-редко, чтением романов. Никаких занятий практических, поскольку все хозяйственные вопросы по имени возложены на управляющего. Никакого общения, поскольку усадьбы достаточно удалены одна от другой и, чтобы обменяться с кем-нибудь мыслями, следовало бы проделать слишком большой путь. Вообще разбросанность и протяженность этой страны крайне негативно сказывается на ее обитателях: «Значительную часть жизни они проводят в дороге; быть может, нет ничего более пагубного для умственного развития»⁷¹. Фор поднимается в своих рассуждениях даже до глобальных философских обобщений: «Мысль гораздо менее подвижна у обитателей стран пустынных, чем стран густонаселенных»⁷². Общая картина выглядит плачевно:

Их разум, оставленный без обработки, а способность к суждению — без упражнения, теряют всю свою силу и после нескольких лет этой праздной жизни столь ослабевают, что одна мысль хоть о каком-то занятии утомляет их, отталкивает, вызывает в них отвращение. Внимание их ни на чем не останавливается. Никакой предмет не может вызвать интереса и побудить к размышлению. Они неспособны думать, находясь сами с собой, и еще менее способны к общению. Им совсем не требуется чьего-либо присутствия, ведь это повлекло бы

⁷⁰ Ibid. P. 238—239.

⁷¹ Ibid. P. 230.

⁷² Ibid.

необходимость беседовать и приводить в движение свои закостеневшие в бездействии умственные способности.⁷³

* * *

Патетично заявив, что в семье Плещеевых он «нашел бы счастье, если бы оно существовало для человека, видящего, что отечеству его грозят великие беды», Фор характерным образом «проговорился». Внимательный читатель его книги не мог не заметить здесь противоречия: о каком вообще счастье в этой ужасной, варварской стране мог говорить житель просвещенной Франции. Противоречие существовало не только на страницах книги. Дело в том, что в этой варварской стране Фор задержался довольно надолго и уже, кажется, совершенно по собственной воле.

13 мая 1814 г. управляющий Министерством полиции С. К. Вязмитинов отдал распоряжение об отправлении на родину всех военнопленных. К июлю более 14,5 тысяч из них уже покинули Россию⁷⁴. Среди них был и генерал Бонами. В августе 1814 г. он вернулся во Францию, с сентября снова числился в службе и в завершение своей военной карьеры, при всей нелюбви к Наполеону, во время Ста дней еще раз повоевал за свою страну в императорской армии. Фор же, в отличие от Бонами, во Францию не торопился. 21 июня Жуковский послал А. И. Тургеневу в Петербург очредной перечень просьб и поручений и среди прочего писал:

Другая просьба о Плещеевых. Здесь есть пленный доктор Фор, которого они очень бы желали оставить у себя. Есть ли средство, и если есть, то какое? Уведомь об этом обстоятельно и поскорее.⁷⁵

Ответного письма Тургенева не сохранилось, но, поскольку в следующих письмах Жуковский своей просьбы не повторяет, видимо, Тургенев навел справки и объяснил, как следует действовать. Фор обосновался в Черни и, наверное, в попытках противостоять окружающей его мечтательной праздности решил усовершенствоваться в греческом языке. По требованию Жуковского А. И. Тургенев сбился с ног, пытаясь отыскать в Петербурге нужные доктору учебные книги⁷⁶. «...Посы-

⁷³ Faure. P. 229—230.

⁷⁴ См.: *Бессонов В. А.* Военнопленные Великой армии // *Отечественная война 1812 года: Энциклопедия.* М., 2004. С. 138.

⁷⁵ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 121.

⁷⁶ Письмо Жуковского к А. И. Тургеневу с первой просьбой о греческих книгах нам неизвестно; 27 августа Тургенев отвечал ему: «Поручение твое исполню. Посоветовавшись с греческим литератором, куплю нужные книги и по первой же почте постараюсь прислать их» (ИРЛИ, ф. 309, № 4713а, л. 34 об.). На протяжении следующих месяцев Жуковский несколько раз напоминал

лаю греч<еский> лексикон, греч<ескую> грам<матику> и греч<еское> (на древн<ем> и нов<ом> наречиях) Евангелие. Gail⁷⁷ найти не мог, но выписываю и пришлю тебе. Других книг греч<еских> здесь никаких и нет, ни в лавках, ни у приятелей; ибо мало занимающихся греч<ескою> словесностию», — писал он Жуковскому 13 ноября⁷⁸, но получил в ответ суровый выговор: «Книги греческие, выписываемые мною, не для меня, а для француза, не знающего ни по-немецки, ни по-русски. На что они будут годны, если они для русского и для немца?»⁷⁹

В начале января 1815 г. Воейков и Протасовы уехали через Москву в Дерпт, к месту новой службы Воейкова, и с ними отправился Жуковский. Но и после их отъезда жизнь в Орловской губернии текла по старому. Киреевская писала Жуковскому 15 апреля 1815 г.:

...доложу просто вашему высокоблагородию, что мы все живем по-прежнему в четырех стенах. Ездим из Мишенского в Долбино, из Долбина в Мишенское, из Мишенского в Игнатьево, из Игнатьева в Мишенское, из Долбина в Володьково, из Володькова в Долбино, из Долбина в Чернь, из Черни домой и прочие подобные неистовства, что мы точно так же носимся на тех же ногах, на которых и при вас носились...⁸⁰

Возможно, еще в Москве, где он пробыл до 7 марта, или уже в Дерпте Жуковский получил письмо от доктора Фора:

В ноябре месяце я обратился с прошением на имя г-на Вязмитинова, как мне сообщили исполняющего должность министра полиции, и просил его позволить г-ну орловскому губернатору оставить меня в качестве иностранного подданного во вверенной ему губернии до того времени, пока я оправлюсь от недомогания, помешавшего мне уехать во Францию с другими военнопленными. Я не получил ответа. Я прошу г-на Жуковского оказать мне услугу и получить это разрешение и, более того, разрешение, если мне понадобится, перемещаться внутри России. Это избавило бы меня от неприятностей в случае, если я буду должен сопровождать семейство в Петербург.

Тургеневу о своей просьбе. «Что Форovy греческие книги? Вспомнишь ли ты когда-нибудь об них и познакомишься ли хотя на минуту со стыдом?» — писал он 8 ноября (Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 130).

⁷⁷ Имеется в виду греческая грамматика французского филолога-эллиниста Жана-Батиста Гея (1755—1829): *Cours de langue grecque ou extraits de différens auteurs, avec la traduction interlinéaire latine et française et des notes grammaticales*. Paris, an V—VII (1797—1798); *Nouvelle grammaire grecque*. Paris, an VII (1798) (к 1814 г. выдержала 8 изданий).

⁷⁸ ИРЛИ, ф. 309, № 4713а, л. 45 об.

⁷⁹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 134.

⁸⁰ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 60.

Нет необходимости повторять, что безотносительно этой просьбы всегда имею честь пребыть его покорнейшим слугой.

Не заботьтесь более о поиске греческих книг. Если бы они у меня были в начале зимы, я занялся бы этой зимой греческим языком, но теперь уже будет слишком поздно.⁸¹

По словам Фора, его отъезду воспрепятствовала болезнь. Однако ни в первом письме Жуковского к А. И. Тургеневу, ни в его переписке 1814—1815 гг. с А. П. Киреевской о болезни Фора не упоминается. Кроме того, недомогание, якобы удерживавшее Фора в России, почему-то не служило препятствием его поездке в Петербург. Фор, как увидим из приводимого ниже письма Киреевской, действительно был болен весной 1816 г., но вполне вероятно, что заболел он позднее, а болезнь в 1814 г. — только предлог, изобретенный для русских властей.

Так или иначе, А. И. Тургенев в Петербурге снова принялся хлопотать за Фора и обратился к М. Я. фон Фоку, правителю Особенной канцелярии Министерства полиции, в функции которой входило, в частности, наблюдение за иностранцами и выдача им виз и видов на жительство. В письме от 19 июля 1815 г. Жуковский торопил А. И. Тургенева:

...что отвечал тебе Фок о Форе? Прошу тебя уведомить меня на следующей же почте. Мне очень будет больно, если Фор не получит своего позволения ехать в Петербург к сроку. Плещеев, вероятно, будет туда в начале августа или в половине. Прошу тебя избавить меня от незаслуженного упрека и отложить на время свою лень и написать для дружбы несколько строк к Фоку.⁸²

Ответ, видимо, был получен благоприятный, но дело почему-то затягивалось: в письме от 4 августа из Дерпта Жуковский сообщает Тургеневу, что Фор «еще по сию пору ничего не получил от Вязмитинова»⁸³. Впрочем, поездка Плещеевых в Петербург в 1815 г. все равно не состоялась.

В 1864 г. П. И. Бартев, комментируя имя Фора в публикуемых в «Русском архиве» письмах Жуковского, сообщил, что Фор «просил у военного министра Вязмитинова, чтоб его приняли на русскую службу без особого экзамена»⁸⁴. О желании Фора вступить в русскую службу пишет и П. А. Висковатов в примечании к своей публикации писем А. П. Киреевской⁸⁵. Эти свидетельства никак документально не под-

⁸¹ ИРЛИ, № 27895, л. 11—12 (без даты; оригинал по-франц.).

⁸² Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 147.

⁸³ Там же. С. 149.

⁸⁴ РА. 1864. № 4. Стб. 453.

⁸⁵ РС. 1883. № 1. С. 199.

тверждаются, но вполне могут быть приняты во внимание. Не исключено, что и намерение Фора заняться греческим языком следует связать с подготовкой к экзамену, необходимому для получения права на врачебную практику в России.

В конце января 1816 г. А. П. Киреевская собралась к родным в Дерпт. В 40 верстах от дома ночью на реке лошади провалились в полынью. Киреевская чудом спаслась и добралась до Москвы, где тяжело заболела. Спустя некоторое время, еще больную, ее перевезли в Долбино, и у ее постели оказался неизменный Фор. 11 марта Киреевская отвечала на испуганные письма Жуковского:

Теперь вы на мой счет покойны, вы получили мои письма, прибавлю еще (ибо вы приказываете подробно описывать), что у меня теперь Фор, что он в третий раз уже всю меня облепил шпанскими мухами, что поит хиной, исландским мохом и прочей дрянью, что уверяет, будто через три недели я, конечно, перестану так глупо кашлять, что весною буду здорова <...>. Надеюсь, что вы беспокоиться не будете, зная меня в его когтях, — впрочем, такой доброты мудрено найти, он узнал не от меня, от посторонних, что я больна, и приехал, несмотря на сильную боль в ноге, которая половину дня его принуждает лежать в постели; — вечером, когда мне всегда бывает худо, он ухаживает за мной, как бы родной.⁸⁶

Сам Фор тем временем, кажется, оказался в странной ситуации. Вида на жительство в России он так и не получил и, наскучив бюрократической волокитой, решил все-таки ехать во Францию. Однако теперь ему и на это требовалось разрешение. В апреле 1816 г. Жуковский продолжал требовать от Тургенева «выхлопотать свободу Фору»⁸⁷. Тургенев отвечал, что «прежде еще просил уже о Форе, и <...> обещали дать ему свободу идти и ехать на все четыре стороны»⁸⁸. Но месяц спустя Жуковский вновь упрекал друга, что тот не думает «о пленных французских лекарях, которые просятся домой»⁸⁹. После этого упоминания о Форе исчезают из переписки Жуковского с А. И. Тургеневым и А. П. Киреевской. В декабре 1816 г. М. А. Протасова, готовившаяся к свадьбе с дерптским доктором И. Ф. Мойером, обещала А. П. Киреевской, которая все еще не могла окончательно оправиться после своей болезни, что Мойер ее «совершенно вылечит»⁹⁰. В январе 1817 г.

⁸⁶ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 171.

⁸⁷ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 157.

⁸⁸ ИРЛИ, ф. 309, № 4771, л. 47.

⁸⁹ Письма В. А. Жуковского к А. И. Тургеневу. С. 155 (письмо без даты; должно быть отнесено к концу мая).

⁹⁰ Уткинский сборник. С. 181.

Киреевская ездила к врачу в Козельск⁹¹. Вероятно, в это время Фора поблизости уже не было⁹². Во Францию он возвращался маршрутом, предписанным еще в 1814 г. всем бывшим военнопленным: без заезда в столицы, через Чернигов и Белосток⁹³.

По странному стечению обстоятельств, если появление Фора в Орле в 1813 г. пришлось на время наивысшего расцвета в жизни чернско-муратовского «дворянского гнезда», то отъезд доктора из России совпал с периодом ее угасания. Приехавшие в Муратово в конце июня 1817 г. Е. А. Протасова с дочерьми нашли только обломки прежней жизни. Мишенское стояло пустым, после того как в начале года А. П. Юшкова вышла замуж за капитан-лейтенанта Черноморского флота Е. В. Зонтага и уехала с ним в Николаев. В середине марта 1817 г. внезапно умерла Е. П. Азбукина⁹⁴. За пять дней до их приезда, 20 июня, в Орле скончалась А. И. Плещеева⁹⁵. Плещеев горевал и готовился к переезду из Черни в Петербург. Оставалась, правда, А. П. Киреевская, но она 4 июля венчалась с А. А. Елагиным и, поглощенная новой семейной жизнью, мало виделась с родными. «Кто мог вообразить, что приезд мой в Муратово будет время самое несчастное в жизни. Здесь точно ничего более для меня не осталось, точно дух смерти пролетел по родине», — писала М. А. Мойер (Протасова) Жуковскому⁹⁶. А год с небольшим спустя, в ноябре 1818 г., А. П. Елагина (Киреевская) получила от Жуковского только что написанное им стихотворение «Минувших дней очарованье...», заканчивавшееся строфой:

⁹¹ См. письмо М. А. Мойер (Протасовой) к А. П. Киреевской от 11 февраля 1817 г. (Уткинский сборник. С. 189).

⁹² Во французском биографическом словаре (*Dictionnaire de Biographie française*. Т. 13. Col. 770) указано, что Фор вернулся во Францию в 1814 г. Возможно, не имея точной информации, составители словаря проставили эту дату по аналогии, как год возвращения большинства пленных из России. В каких-либо официальных биографических источниках дата «1814 год» могла появиться, только если сам Фор не хотел впоследствии акцентировать внимание на своем слишком долгом пребывании в России. Дата, приведенная В. И. Саитовым («около 1820» — см.: ОА. Т. 2. С. 513), очевидно неверна.

⁹³ См.: Faure. P. 305.

⁹⁴ Время смерти Е. П. Азбукиной устанавливается по письму М. А. Мойер (Протасовой) к А. П. Киреевской от 1 мая 1817 г.: «Мой ангел, сейчас получила твое письмо от 7 апреля, итак, полтора месяца прошло уже с ее смерти» (Уткинский сборник. С. 193; оригинал по-франц.).

⁹⁵ См. письмо М. А. Мойер (Протасовой) к Жуковскому от июля 1817 г. (Там же. С. 195).

⁹⁶ Там же.

Зачем душа в тот край стремится,
Где были дни, каких уж нет?
Пустынный край не населится!
Не узрит он минувших лет!
Там есть *один* жилец безгласный,
Свидетель милой старины!
Там вместе с ним все дни прекрасны
В единый гроб положены.

К этой строфе Жуковским было сделано лаконичное примечание:
«Этот край — Чернь!»⁹⁷

* * *

Что касается Раймонда Фора, то дальнейшая его жизнь, похоже, сложилась вполне удачно. Как видим из рецензии «Revue Encyclopédique» на «Воспоминания о Севере», к 1822 г. Фор уже приобрел репутацию «одного из самых известных» докторов Бордо. Правда, в следующем году он вернулся на военную стезю. Бывший наполеоновский офицер теперь воевал под знаменами Священного союза: 7 апреля 1823 г. в качестве врача одного из военных госпиталей Фор вступил с французской армией в Испанию. Эту кампанию Фор завершил благополучно, и результатом ее стало появление в 1831 г. в Париже книги «Воспоминания о Юге, или Испания, какой она является в своем политическом и монархическом правлении». Само заглавие свидетельствует, что книга писалась в пандан к «Воспоминаниям о Севере». Как и в книге о России, очерк политического и нравственного состояния Испании Фор предварил рассуждениями о физической географии страны и различных ее областей, о ее климате, о жителях Испании, их внешнем облике, одежде, образе жизни и даже о болезнях, которым они подвержены. Коснулся он и некоторых важных событий испанской истории. Аналогию между двумя книгами можно провести и в отношении их автора к описываемым им странам — несколько свысока, с позиций просвещенного носителя европейской цивилизации (Фор, похоже, так и не задумался, насколько подходит эта роль человеку, входящему с оружием в чужую страну). Общей для обеих книг была и демократическая тенденция автора, но с одним существенным отличием. В «Воспоминаниях о Севере» Фор с негодованием и отвращением описывал рабство как социальный и политический институт и одновременно выступал против страдающего от этого рабства народа, изображая его как реальную угрозу для существования Европы. «Воспоминания

⁹⁷ Переписка В. А. Жуковского и А. П. Елагиной. С. 204.

о Юге», напротив, писались им как бы «в пользу» народа, «который всеми силами пытаются отделить от остальной Европы», и против его «алчных опекунов», не желающих признать, что их подопечный «уже давно достиг возраста совершеннолетия»⁹⁸. В дальнейшем Фор ничего, кроме медицинских сочинений, не писал. После испанской кампании он служил в учебном военном госпитале Страсбурга, где с 1838 г. до своей отставки в 1846 г. возглавлял кафедру внутренней патологии. Умер он в Бордо 30 мая 1850 г.

* * *

Книга Р. Фора «Воспоминания о Севере» появилась у парижских книгопродавцев в конце августа 1821 г., а уже в первых числах октября А. И. Тургенев сообщал П. А. Вяземскому: «Я получил “Les souvenirs du Nord”, par le medecin Lefaute»⁹⁹, что был в Орле с Плещеевым, Тепловым¹⁰⁰ и прочими. Много справедливого о России»¹⁰¹. «Француза я не читал: пришли, если можно», — писал Вяземский в ответ 10 октября¹⁰². 19 октября он еще раз повторил свою просьбу¹⁰³. Вероятно, вскоре после этого Тургенев отправил ему «Воспоминания о Севере», во всяком случае, в переписке Вяземского с Тургеневым они больше не упоминаются. В России книга Фора была за-

⁹⁸ Faure R. Souvenirs du Midi, ou l'Espagne telle qu'elle est sous ses pouvoirs religieux et monarchique. Paris, 1831. P. III.

⁹⁹ «Воспоминания о Севере», написанные доктором Лефором (франц.).

¹⁰⁰ Алексей Григорьевич Теплов (1857 ? — 1826) — гражданский губернатор Слободско-украинской (1797—1798) и Киевской (1800) губерний, сенатор (с сентября 1801), почетный опекун в Петербурге (с 1802) и управляющий делами петербургского Вдовьего дома (1803). Общение его с Жуковским и Плещеевыми в 1813—1816 гг. никакими источниками не подтверждается, тем не менее Тургенев, видимо, не ошибается. Выйдя в отставку в 1813 г., Теплов жил в Орловской губернии, где ему принадлежало имение Молодовое в Карачаевском уезде, в 1818—1821 г. был орловским губернским предводителем дворянства. Дочь Теплова Екатерина была замужем (с 1834) за декабристом Захаром Григорьевичем Чернышевым (1797—1862), племянником А. И. Плещеевой. По свидетельству Д. Н. Бантыш-Каменского, Теплов «имел лучшую музыку в России, им образованную, и сам прекрасно играл на скрипке» (*Бантыш-Каменский Д. Н. Словарь достопамятных людей русской земли. М., 1836. Ч. 5. С. 137—138; о Теплове см. также биографич. справку В. И. Саитова: ОА. Т. 2. С. 514*). Несомненно, именно Теплова имел в виду Фор, когда упомянул жившего в соседнем городе сенатора, имевшего, может быть, лучших в России музыкантов, которых он собственноручно бил до и после концертов (см.: Faure. P. 202).

¹⁰¹ ОА. Т. 2. С. 214.

¹⁰² Там же. С. 215.

¹⁰³ См.: Там же. С. 218.

прещена для ввоза и продажи¹⁰⁴, и маловероятно, чтобы она попала в руки кому-нибудь из его русских знакомых¹⁰⁵.

2 февраля 1823 г. Вяземский сообщил Тургеневу, что его «вызывают быть русским корреспондентом редакции» парижского журнала «*Revue Encyclopédique*»¹⁰⁶. Уволенный из службы в апреле 1821 г., Вяземский уже полтора года жил в Москве и своем подмосковном Остафьеве под негласным полицейским надзором¹⁰⁷. Его оппозиционные настроения достигли апогея. Своего рода литературным манифестом его либерализма стало написанное еще в Варшаве в ноябре 1820 г. стихотворение «Негодование». Это, по мнению А. И. Тургенева лучшее, произведение Вяземского, разумеется, не могло быть напечатано¹⁰⁸.

¹⁰⁴ См.: Общий алфавитный список книгам на французском языке, запрещенным иностранною цензурою *безусловно и для публики* с 1815 по 1853 год включительно... СПб., 1855. С. 119.

¹⁰⁵ Жуковского осенью 1821 г. в России не было — он возвратился из своего первого заграничного путешествия только 6 февраля 1822 г., и к этому времени «Воспоминания о Севере» были уже скорее всего у Вяземского. Живший в Петербурге А. А. Плещеев не принадлежал к числу близких друзей Тургенева, и в отсутствие Жуковского они выделялись не часто. С. А. А. Воейковой влюбленный в нее в тот момент Тургенев вряд ли стал бы обсуждать французское политическое сочинение.

¹⁰⁶ ОА. Т. 2. С. 298.

¹⁰⁷ В августе 1817 г. Вяземский был назначен чиновником для иностранной переписки в канцелярию Н. Н. Новосильцева (представителя Александра I при Совете, управляющем Царством Польским, с 1821 г. — советника наместника Царства Польского); с весны 1818 г. служил в Варшаве, был переводчиком с французского речи Александра I на открытии польского сейма 1 марта 1818 г., в 1818—1820 гг. участвовал в работе комиссии по подготовке проекта русской конституционной хартии (Уставной грамоты). В апреле 1821 г., во время поездки в Петербург, Вяземский получил уведомление, что ему запрещено возвращаться в Варшаву. Причиной его высылки стали откровенные либеральные разговоры и антиправительственные высказывания. Так, по словам варшавского знакомого Вяземского И. Фовицкого, Вяземский говорил «встречному и поперечному о свободе, о деспотизме и проч.», «распространялся» об этом «даже у Нов<осильцева> публично, при лакеях» (цит. по: *Ланда С. С. О некоторых особенностях формирования революционной идеологии в России. 1816—1821 гг.: (Из политической деятельности П. А. Вяземского, Н. И. и С. И. Тургеневых, М. Ф. Орлова) // Пушкин и его время: Исследования и материалы. Л., 1962. Вып. 1. С. 200*). О стремительной эволюции политических взглядов Вяземского в варшавский период его жизни см. также: *Лотман Ю. М. П. А. Вяземский и движение декабристов // Тр. по русской и славянской филологии. III. Тарту, 1960. С. 50—82 (Уч. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 98)*.

¹⁰⁸ См. письмо А. И. Тургенева к Вяземскому от 19 января 1821 г. Далее Тургенев прибавляет, что в Петербурге, «кроме оригинального экземпляра, ни одного не будет», и даже читать он станет «Негодование» немногим — «это совет благоразумия» (ОА. Т. 2. С. 140, 142).

Но и многие гораздо более безобидные стихотворения Вяземского не пропускались цензурой. Как критик и публицист Вяземский тоже не мог выразиться вполне. Даже чисто литературные его статьи если вообще выходили в свет, то обязательно с изъятиями и искажениями. В 1819 г. была запрещена статья «О новых письмах Вольтера»¹⁰⁹, в 1822 г. петербургская цензура остановила направленную против М. Т. Каченовского полемическую заметку «О двух статьях, напечатанных в “Вестнике Европы”». Потерявший терпение Вяземский в январе 1823 г. обратился в Главное правление училищ с жалобой, в которой изложил свои причины «к неудовольствию на притеснение авторских прав, высочайшим постановлением утвержденных и ныне отъемлемых <...> цензором Красовским»¹¹⁰. Жалоба дошла до министра просвещения¹¹¹, но, кажется, так и осталась без официального ответа. В этой ситуации предложение сотрудничать в европейском либеральном журнале имело особую привлекательность.

На протяжении полутора лет Вяземский пытался приспособить к печати свое «Известие о жизни и стихотворениях И. И. Дмитриева»¹¹². В том же письме к А. И. Тургеневу от 2 февраля 1823 г., где он говорил о своем приглашении в «Revue Encyclopédique», Вяземский сообщал, что подготовил очередной исправленный по замечаниям Вольного общества любителей российской словесности вариант статьи о Дмитриеве, и предупреждал: «Или цензура все пропустит, или ничего не напечатаю, разумеется, здесь. Но тогда переведу ее с помощью других на французский язык и напечатаю в Париже, как памятник нашего варварства. Клянусь честью, что это сделаю»¹¹³.

20 июля 1823 г. датировано письмо Вяземского к редактору «Revue Encyclopédique» М.-А. Жюльену:

Отъезд одного из моих друзей в Париж предоставляет мне сегодня возможность сообщить Вам некий несовершенный опыт, которому тем не менее, как я думаю, можно было бы дать надлежащее употребление. Чтение книги г-на Фора о России, изданной в 1821 году и, кстати заметить, у нас запрещенной, вызвало у меня ряд соображений, которые я набросал на бумагу. Прекрасно понимаю, что разбор мой несовершенен, что слог недостаточно выработан (не го-

¹⁰⁹ См. ниже примеч. 37 к тексту статьи Вяземского.

¹¹⁰ РА. 1896. Т. 2, № 6. С. 295.

¹¹¹ См. об этом в письме С. И. Тургенева к Вяземскому от 22 февраля 1823 г.: ОА. Т. 2. С. 300.

¹¹² Подробнее см.: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 84–94.

¹¹³ ОА. Т. 2. С. 298.

ворю уже об ошибках в языке, которых как иностранец я не мог из-бегнуть), что, может быть, и вся пьеса в целом требует перекройки, а главным образом, понимаю, что должен был по крайней мере, хотя бы из приличия, послать Вам верный и аккуратный список этой невыверенной и написанной наспех статьи. Однако поспешный отъезд того, в чьи руки она вручается, не оставляет мне времени удовлетворить этим требованиям. Как видите, я рассчитываю на Вашунисходительность. Оправданием мне служит мое безграничное к Вам доверие. Я ободряю себя мыслью, что, если мои соображения, продиктованные глубоким чувством любви к своему отечеству, покажутся и Вам заслуживающими какого-то внимания, вы легко сможете придать им вид, достойный публикации. Вы найдете на полях рукописи многочисленные пометы, сделанные моими друзьями: они часто могут служить дополнением к тексту и выражают мнения здравомыслящие и полные истины.¹¹⁴

Далее Вяземский просил в случае публикации статьи не оглашать имени автора, а если Жюльен найдет статью не соответствующей плану журнала, предоставлял редактору право употребить ее так, как он сочтет удобным, «опубликовав ее в приложение к какому-нибудь труду, посвященному России, или отдельно, или любым другим образом»¹¹⁵.

Рукописи французской статьи Вяземского «Замечания на книгу доктора Фора “Воспоминания о Севере”» сохранились в его бумагах. Они представляют собой черновой автограф и список рукой В. Ф. Вяземской. Список, по всей видимости, был сделан непосредственно с экземпляра, отправленного в «Revue Encyclopédique»: некоторые размещенные на полях рукописи В. Ф. Вяземской примечания производят впечатление не собственно примечаний к тексту, а скорее намеченных дополнений и заметок при чтении. По-видимому, они в большинстве своем принадлежат не Вяземскому (не случайно их нет в черновом автографе), а точно воспроизводят те пометы его друзей, о которых упоминал Вяземский в письме к Жюльену. Кто были эти друзья, первые читатели статьи, неизвестно. С уверенностью можно предполагать, что среди них был М. Ф. Орлов, который к Пасхе 1823 г. (22 апреля) приехал из своей калужской деревни в Москву и пробыл там до 30 мая¹¹⁶. Мог быть в их числе и П. Я. Чаадаев, с которым до его отъезда в конце мая 1823 г. в Петербург и потом за границу Вяземский встречался в Москве. Ко времени работы над статьей следует отнести и обширные выписки из «Воспоми-

¹¹⁴ Два письма князя П. А. Вяземского / Подгот. Ю. П. Иваск // Русский литературный архив. Нью-Йорк, 1956. С. 44 (оригинал по-франц.).

¹¹⁵ Там же. С. 45.

¹¹⁶ См. в письмах Вяземского к А. И. Тургеневу сообщения о приезде и отъезде Орлова: ОА. Т. 2. С. 313, 327.

ний о Севере», занимающие шестнадцать страниц в третьей записной книжке Вяземского (первые две с половиной страницы — рукой самого Вяземского, далее — рукой В. Ф. Вяземской) и сопровождающиеся его полемическими замечаниями¹¹⁷.

Почему именно «Воспоминания о Севере», книга достаточно заурядная, наполненная штампами и представляющая своего рода компендиум расхожих представлений о России, были избраны Вяземским темой его первой статьи в «Revue Encyclopédique»? Видимо, здесь сошлись разные причины.

Неоригинальность и поверхностность суждений Фора должна была быть воспринята Вяземским тем более остро, что он читал «Воспоминания о Севере» практически одновременно с «Десятью годами в изгнании»¹¹⁸ и имел перед глазами пример г-жи де Сталь, так же, как и Фор, приехавшей в Россию с некоторым набором общеевропейских расхожих представлений, но в своей книге постоянно отмечающей «несовпадение реальности с готовыми концептуальными схемами, как чужими, так и своими собственными»¹¹⁹. В одном месте своей статьи Вяземский прямо сопоставляет мнения Фора и г-жи де Сталь. Несомненно, этим же сопоставлением навеяно и открывающее статью рассуждение о двух типах путешественников — путешественников, находящихся в плену «принужденных гипотез»¹²⁰ и движимых недоброжелательством и предрассуждениями, и тех, кто с беспристрастием и чистосердечием желают изучить страну. Однако именно «Воспоминания о Севере» были рекомендованы тем же «Revue Encyclopédique» французскому читателю

¹¹⁷ Расположены в записной книжке между записями о посещении Нижегородской ярмарки в августе 1822 г. и о поездке в Мещерское и Пензу в декабре 1827 — январе 1828 г. (см.: *Вяземский П. А. Записные книжки. (1813—1848)* / Изд. подгот. В. С. Нечаева. М., 1963. С. 104—107 (Лит. памятники)). «Выписаны по преимуществу характеристики разных слоев русского народа: крестьян, дворовых, помещиков, но главным образом описание тяжелого положения крепостного крестьянства, его униженного рабского состояния, жестокого обращения с ним владельцев и власти. Много места уделено также изображению низкого культурного уровня помещиков, описанию их времяпровождения, сводящегося к еде, выпивкам и грубым забавам» (Там же. С. 404, коммент. В. С. Нечаевой).

¹¹⁸ В письме к А. И. Тургеневу от 12 октября Вяземский сообщал, что читает «Десять лет в изгнании» и находит это сочинение «любопытным и занимательным» (ОА. Т. 2. С. 216).

¹¹⁹ *Мильчина В. А. Жермена де Сталь и ее «философическая география» // Сталь Ж. де. Десять лет в изгнании / Пер. с франц., статьи и коммент. В. А. Мильчиной. М., 2003. С. 34.*

¹²⁰ Здесь и далее статья Вяземского цитируется по публикуемому ниже переводу.

как источник верных сведений о «политическом и моральном состоянии русского народа», и это уже само по себе заслуживало возражений.

Но борьба Вяземского с европейским общественным мнением вовсе не имела целью защитить и «обелить» свою страну. «Мы все носим траур не по усопшем, а по нерожденному отечестве, — заметил Вяземский еще в 1819 г., — мы не оплакиваем отечество, а по нем плачем»¹²¹. Тема рабства, центральная в книге Фора, была в эти годы самой болезненной для Вяземского и его ближайшего окружения. Надежды на сколько-нибудь радикальные изменения в существующем положении дел к 1823 г. практически исчезли. «В конце царствования Александра, — писал Н. И. Тургенев, — общественное мнение было в куда большей степени проникнуто либеральными устремлениями, чем в первые годы, но теперь их не разделял император: нация шла вперед, государь же, наоборот, двигался вспять»¹²². Явным доказательством этого движения вспять для Вяземского, как и для братьев Тургеневых, стала их неудавшаяся попытка учредить весной 1820 г. общество для обсуждения крестьянской реформы¹²³. Знал Вяземский и о судьбе положенной под сукно записки Н. И. Тургенева «Нечто о крепостном состоянии в России»¹²⁴, и о неудаче, постигшей А. И. и Н. И. Тургеневых, когда они пытались провести в Государственном совете закон о запрещении продажи крепостных порознь и без земли¹²⁵. Взгляд Фора на русское «рабство» как главную беду и «болезнь» России, таким образом, не мог вызвать возражений. В вопросах же о корне зла и способах лечения этой «болезни» Вяземский с французским автором принципиально разошелся.

¹²¹ ОА. Т. 1. С. 349 (письмо к А. И. Тургеневу от начала ноября 1819 г.).

¹²² *Тургенев Н. И.* Россия и русские / Пер. с франц. и ст. С. В. Житомирской. М., 2001. С. 248.

¹²³ См. ниже примеч. 14 к тексту статьи Вяземского.

¹²⁴ Была заказана генерал-губернатором Петербурга графом М. А. Милорадовичем. С предложением написать записку к Н. И. Тургеневу обратился его адъютант Ф. Н. Глинка. «Трудясь над запиской, я изо всех сил старался умерить ужас, который внушало мне рабство... — вспоминал впоследствии Н. И. Тургенев. — Впрочем, я чувствовал, что если бы император желал полного освобождения, он наверняка взял бы инициативу в свои руки, поэтому если вместо нескольких легко осуществимых мер я предложу ему радикальное и последовательное решение, то записка моя может прийтись ему не по вкусу» (*Тургенев Н. И.* Россия и русские. С. 254). Записка была передана Глинке 4 января 1820 г. и вскоре представлена императору. «Впоследствии я узнал, — пишет Н. И. Тургенев, — что император, прочтя записку, высказал генералу свое удовлетворение; государь говорил с воодушевлением, как это обычно случалось, когда он касался вопроса о крепостном праве» (Там же).

¹²⁵ См. об этом: Там же. С. 213—217.

Фор писал, что ликвидации рабства в России должен предшествовать длительный период просвещения народа, причем проводимого исподволь и «хитростью», поскольку, по мнению доктора, русский народ и не готов, и вообще не восприимчив к просвещению. Вяземский, не питавший особенных иллюзий относительно успехов представительного правления в России¹²⁶, тем не менее решал вечный спор о том, что первично, свобода или просвещение, в пользу свободы. Он достаточно убедительно опроверг обвинения, предъявленные Фором русскому народу, но суть была даже не в этом, а в том, что он вообще вывел народ из-под суда, переложив всю ответственность за происходящее в России на правление, которое «порочно и по сути, и по форме». На совести этого правления в конечном счете лежало и то, о чем как-то забыл Фор, но что Вяземского волновало не меньше, чем вопрос о политической свободе, — отсутствие в России свободы гражданской, в первую очередь свободы печати. Написанная Вяземским статья, несомненно, является наиболее резким из всех его полемических выступлений 1810—1820-х гг. и едва ли не единственным опытом не литературной, а чисто политической публицистики.

Статья была послана в «Revue Encyclopédique» 20 июля 1823 г., но написана, вероятно, раньше, в феврале—марте, вскоре после приглашения к сотрудничеству в журнале. Для ее пересылки требовалась очень надежная оказия, которую приходилось ждать. В письме к Жюльену Вяземский говорит, что посылает статью с «одним из друзей». Этим другом, которому Вяземский вверил судьбу своего европейского литературного дебюта, был отправлявшийся в заграничное путешествие отставной полковник л.-гв. Московского полка Григорий Александрович Римский-Корсаков¹²⁷.

¹²⁶ «Правительство наше, как ребенок, шалит и говорит: “Никто не увидит!” — писал Вяземский А. И. Тургеневу 17 марта 1819 г. — Пора, пора приставить к нему в дядьки представительство народное; пусть дядька будет и глуповат, но все дитя будет немного помирнее. Беда только, как дядька не забудет, что он из рабов, и станет на все говорить: “Ваша господская воля”. Вот этого одного боюсь, а глупости меня не пугают» (ОА. Т. 1. С. 204).

¹²⁷ Г. А. Римский-Корсаков (1792—1852) — второй сын камергера Александра Яковлевича (ум. в 1814 или 1815) и Марии Ивановны (урожд. Наумова; 1764 или 1765 — 1832) Римских-Корсаковых, участник войны 1812 г. и европейской кампании, отличившийся под Бородином, Тарутиным и Малоярославцем, за храбрость в Лейпцигской битве награжденный золотым оружием, дошедший с гвардией до Парижа и имевший репутацию либерала и «беспокойного человека». После «семеновской истории» осенью 1820 г. командующий гвардейским корпусом И. В. Васильчиков назвал императору имя Корсакова в числе тех офицеров гвардии, кто особенно много «болтает». В это же время Александру I стало известно какое-то перлюстрированное письмо Корсакова «в весьма дурном духе», и он распорядился перевести офицера из гвардии в армию. Корсаков подал в отставку и в феврале 1821 г. был уволен, причем, в виде особой немилости, «без мундира» (см.: Гершензон М. О. Грибоедовская Москва. 2-е изд. М., 1916).

18 июля 1823 г. он выехал из Москвы и на сутки задержался у князя в Остафьеве¹²⁸.

Благополучно доставив статью Вяземского в Париж к Жюльену, Римский-Корсаков в течение нескольких месяцев безуспешно хлопотал о ее публикации. 6 марта 1824 г. он сообщал Вяземскому, что редактор «Revue Encyclopédique», «кажется, боится, чтоб не запретили его журнал в северных странах, что бы было довольно простительно для человека, который имеет большую семью и не хочет лишиться нескольких десятков подписчиков». Впрочем, Римский-Корсаков предполагал и иную причину: «...не мудрено, если они и оттого не берутся, что это ответ их соотечественнику»¹²⁹. К этому времени Жюльен уже сам написал Вяземскому, видимо объяснив причины, по которым не могут увидеть свет его замечания на книгу Фора, и уточнив, какого рода журнальный материал он хотел бы получать из России. Ответ Вяземского из Остафьева помечен 21 мая.

С истинным удовлетворением имел я честь получить ваше письмо от 1 марта 1824 г. в ответ на мое прошлогоднее. Ваше доверие мне льстит, и я был бы счастлив, если бы имел возможность дать на него ответ, достойный вас и вашего периодического издания. Но, по совести, вы просите невозможного, требуя сведений главным образом о фактах, которые могут характеризовать развитие и успехи цивилизации на нашей родине. Разве вы не знаете, что Россия находится в еще совсем младенческом возрасте и что говорить вам о ней — значит делать крайне жестокую критику той опеки, которая держит ее в состоянии запоздалого детства? Беседовать с вами о наших академиях, о наших ученых обществах, литературных, филантропических и т. д. — это значило бы составлять газетные статьи; но для этого надо сначала запастись совестью газетного писаки, на что я чувствую себя неспособным. Я вижу свою нацио-

С. 120—122). Г. А. Римский-Корсаков состоял членом Союза благоденствия, но в момент восстания находился за границей и по высочайшему повелению был «оставлен без внимания» (см. о нем: Декабристы: Биогр. справ. С. 156—157). Вяземский называл Римского-Корсакова человеком замечательным «по многим нравственным качествам и по благородству характера» (*Вяземский П. А.* Полн. собр. соч. СПб., 1882. Т. 7. С. 170).

¹²⁸ См.: Гершензон М. О. Грибоедовская Москва. С. 136.

¹²⁹ Цит. по: Гиллельсон М. И. П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969. С. 95. См. также: Неизданные письма Грибоедова. II. Письмо Грибоедова П. А. Вяземскому / Публ. В. С. Нечаевой // ЛН. М., 1946. Т. 47—48. С. 238—239 (здесь письмо цитируется В. С. Нечаевой по черновику из архива Римских-Корсаковых). Корсаков не скрывает своего удивления и досады, говоря, что уже четыре месяца не может добиться внятного ответа от Жюльена, и прибавляет: «...одним словом, мы в Москве слишком хорошо думали об его особе, читая “Revue Encyclopédique”».

нальную гордость не в том, чтобы торжествовать по поводу того, что у нас есть, а в том, чтобы сожалеть о недостающем. Я не принадлежу к нищим, старающимся выставить напоказ богатства, которых они не имеют, а скорее принадлежу к тем, которые нарочно показывают свои лохмотья, потому что считают себя достойными лучшей судьбы. И все мои благомыслящие соотечественники, конечно, разделяют мое мнение. <...>

Несомненно, что, заснув в пеленках нашей кормилицы, в один прекрасный день мы проснемся взрослыми. До той поры предоставим наемным панегиристам или тем, кто принимает слепое тщеславие за национальную гордость, хвастаться нашими успехами; мы, прочие, помолчим, если уже нам никак не позволено говорить правду.¹³⁰

Далее Вяземский сообщал Жюльену, что посылает «маленький литературный бюллетень» о русской поэзии и четыре выдержки из своей статьи «Известие о жизни и сочинениях И. И. Дмитриева», подчеркивая, что условием его сотрудничества в «Revue Encyclopédique» является полная анонимность, и призывал редактора к некоснительному соблюдению осторожности:

...удостоверено, что всякий русский или поляк, про которого узнают, что он состоит неофициальным корреспондентом каких-либо иностранных журналов, кончает тем, что попадает на плохой счет у правительства, даже если он и не преследуется за мнения, высказанные им в его писаниях. <...> Постарайтесь, пожалуйста, милостивый государь, проникнуться важностью этих соображений и избавить меня от неприятностей, которые могли бы последовать для меня из нашей переписки. Не нужно удивляться, если маленькие литературные сплетни могут сойти в глазах властей за государственное преступление и если им придадут такую важность, что станут разыскивать их автора всеми имеющимися в распоряжении Священного союза способами.¹³¹

В постскрипуме Вяземский не отказал себе в удовольствии несколько просветить Жюльена о судьбе его журнала в «северных странах»:

Знаете ли Вы, что номера вашего журнала в редком случае приходят к нам необезображенными ножницами цензуры! Большая часть книжек попадает к нам с изъятием нескольких листов!¹³²

¹³⁰ Цит. по: *Дурылин С. Н.* П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique» // ЛН. М., 1937. Т. 31—32. С. 94—95; текст французского оригинала письма см.: Два письма князя П. А. Вяземского. С. 47—50.

¹³¹ См.: *Дурылин С. Н.* П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique». С. 96.

¹³² Там же. С. 97.

Это письмо отправилось в Париж тоже с надежным человеком — князем Василием Федоровичем Гагариным, братом В. Ф. Вяземской, получившим, вероятно, устные инструкции по поводу ранее отосланной Жюльену статьи «Замечания на книгу доктора Фора...». Судьба ее окончательно проясняется одной иносказательной фразой в письме Вяземского к В. Ф. Гагарину в Париж, написанном с очевидной оглядкой на возможную перлюстрацию:

Что подельывает суп Жюльен Корсаковых? Я хотел бы знать, что бумаги и письма по этому поводу находятся в твоих руках и преданы огню, потому что иначе я боюсь разбудить спящую кошку.¹³³

Беспокойство Вяземского о «спящей кошке» было словно внушено роковым предчувствием — письмо к Гагарину датировано 13 декабря 1825 г.

Публикуемый ниже текст статьи Вяземского «Замечания на книгу доктора Фора “Воспоминания о Севере”» печатается по списку рукой В. Ф. Вяземской из Остафьевского архива (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 1065). Примечания к тексту статьи, расположенные на полях рукописи В. Ф. Вяземской (см. о них выше), приведены под строкой. Там же отмечены сколько-нибудь существенные отличия чернового автографа (РГАЛИ, ф. 195, оп. 1, № 939а) от текста копии. Примечания публикатора имеют сквозную цифровую нумерацию и помещены после текста. Приношу искреннюю благодарность Н. Л. Дмитриевой и В. А. Мильчиной, много способствовавшим подготовке этой публикации.

¹³³ Цит. по: *Дурьлин С. Н.* П. А. Вяземский и «Revue Encyclopédique». С. 102—103.

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
(ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

**ПУШКИН
И ЕГО СОВРЕМЕННОКИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 5 (44)

«Нестор-История»
2009